

Н. А. НИКУЛИНА, Н. А. ГАЛАКТИОНОВА

МОТИВНЫЙ АНАЛИЗ КАЗАЧЬИХ ПЕСЕН: РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ ЦЕННОСТЕЙ СОЦИАЛЬНОЙ ГРУППЫ

На первый взгляд, говорить о песенной культуре народа в перспективе поиска аргументов для идентификации этого народа — порыв, имеющий сугубо риторические основания. В случае же с казачеством такой порыв вполне оправдан, поскольку сегодня сложно дать исчерпывающую характеристику казачества, основываясь только на фактологических данных из истории. Поэтому народная песня становится важным источником знания, позволяющим выйти на описание ключевых культурных архетипов народа как основ самоидентификации, устойчивых во времени.

Следует отметить, что проблема этносоциальной характеристики казачества весьма противоречива. Л. Н. Гумилев определял донское казачество как особый субэтнос, впоследствии ставший этносом, собственно, он был склонен рассматривать как субэтнос любую значимую социальную общность внутри этноса [1], а Ю. В. Бромлей характеризует казачество как субэтнос [2]. В статье «Кубанское казачество в контексте проблемы: этнос, пространство, время» Н. И. Бондарь приводит ряд важнейших характеристик субэтноса: наличие самодостаточной экономической и административно-политической структуры, компактность расселения, внутренняя социальная неоднородность, культурно-бытовые, языковые особенности. Исследователь казачества обращает внимание на фундаментальные отличия субэтноса от других явлений территориального, культурного, социального, а не этнического порядка: «локальная культурно-территориальная группа», «историко-культурная общность». Последние, как правило, не имели раз-

витого самосознания, осознанной идентичности, чувства единства. Качествами субэтнуса обладают группы, имеющие целый набор специфических особенностей, главная из которых не диалектная, этнографическая, антропологическая специфика, а — самосознание. В этом смысле казачество — уникальная группа, обладающая выраженным самосознанием, ярко его репрезентирующая. Поэтому изучение казачьей песни — важный элемент научной реконструкции идентичности казачества.

На наш взгляд, принадлежность казачества к самостоятельной этнической группе и его характеристика как субэтнуса в определенной степени может быть вполне оправдана, однако, процесс «перерастания» казачьего субэтнуса в этнос со всеми присущими ему признаками далек от завершения. Искусственно прерванный в период Гражданской войны, после перестройки в 1990-е годы процесс консолидации казачества происходит в условиях полиэтнического пространства, где маркерами самоидентификации становятся социальные роли и культурные предпочтения.

Вполне естественно возникает и вопрос, можно ли считать казаков представителями особого сословия, отнеся их к категории, характерной для социально-классовой организации общества. И мы можем с полным основанием констатировать, что в различные исторические периоды казачество являлось специфическим военно-служилым сословием. При этом представители казачества идентифицировали свой статус в системе общероссийской сословной структуры как автономную единицу служилых людей.

Подытоживая все вышесказанное, можно сделать вывод о том, что казачество представляло собой сложное саморазвивающееся явление, в характеристиках которого прослеживается сближение таких столь различных понятий, как казачий субэтнос и казачье сословие. Вместе с тем именно интерпретация традиционных культовых текстов, в которых наиболее полно воплотились доминанты народной самоидентификации, может приблизить нас к пониманию сути казачества как этносоциального явления.

При лейтмотивном анализе наиболее популярных песенных текстов не стоит забывать о том, что во все времена казаки являлись неотъемлемой частью российского суперэтнуса, не мыслили себя вне России и русской культуры. Именно поэтому песенная культура казачества востребована российской аудиторией, но вместе с тем никогда не теряет маркировки, оставаясь казачьей.

Обзор самых известных текстов песен указывает на особую номинацию в них лирического героя: «казак молодой», «казак удалой». В большинстве текстов указывается не только тип героя, но и его социальный статус: *Был казак тот еще молодой, / Да к тому же совсем холостой.* «Холостой» — характеристика героя, которая входит в важный для казачьих песен мотив свободы, причем свободы специфической, не освобождающей

героя от обязательств перед семьей и Родиной, а обеспечивающей ему особое право на удальство, на способность к жертве. В некоторых текстах у героя есть «молодая жинка», но, как правило, в таких случаях герой, предчувствуя приближение смерти, прощается с ней и дарует ей свободу: *Отнеси платок кровавый / Милой любушке моей. / Ты скажи — она свободна, / Я женился на другой.* В известной песне «Скакал казак через долину» герой возвращается в родное село, но узнает об измене жены и обретает ту самую лихую свободу, которая в этом случае дается ему через сердечную муку: *Казак колечко золотое / В реку бурливую бросал. / Он повернул коня налево / И в чисто поле поскакал.*

Герой песни обязательно является воином, защитником — это устойчивая доминанта всего казачьего репертуара. У воина, как правило, есть конь (мотив коня-друга), есть родители или только мать и есть народ, который он защищает. Нередко отца герою заменяет атаман, о котором поется во многих песнях как о самом родном человеке. Частотным видится и образ оружия, без которого нет воина-защитника (меч, шашка, сабля, винтовочка и т. д.). Примерно так обозначен первый круг ценностей лирического героя казачьих песен в следующем примере: *Эй, ой да конь мой вороной! Эй, да обрез стальной! Эй, да густой туман! Эй, ой да батька атаман, Да батька атаман!*

Служба — основа казачьего мира, в казачьих песнях служба мыслится как единственное и неизбежное дело, причем служба боевая, об этом поют казаки в многочисленных песнях: «Когда мы будем на войне», «А кто первый до завалов добежит, / Тому крест Георгиевский надлежит», «Не страшит нас участь злая, / Рады пасть за Русь в бою».

Песни наполнены специфической лексикой: «сотня», «Сам бригадный приезжал, / Приказ строгий отдавал», «Сохраним мы полк родной! / Поведет нас вновь к победам / Цвет прекрасный голубой» (голубой — цвет околышей на фуражках гвардейских казачьих частей).

Для казачьих песен характерно упоминание топонимов, где проходила ратная служба казачьих полков:

*И в землянках Челенгира,
И над Охридской волной,
И в долинах Лютомира,
И над Лемноса скалой.
Лилась она средь дубравы
И ущелий мрачных гор,
Там, где вечный ропот Млавы,
Где звенел всегда топор.
В ней прадеды завещали
Верными сынами быть.*

Казак и «гордых турок побивал», «вдоль по линии Кавказа / молодой орел летал».

Многие казачьи песни имеют маршевый ритм, они поются в унисон мерному шагу конного строя, что также по-особому характеризует утилитарный смысл казачьей песни.

Важным элементом ценностной иерархии казачества является воинское казачье братство, что часто эксплицировано в казачьих песнях: «Вспомним, братцы-забайкальцы», «Ой, за мной, братцы, не робей, не робей» и т. д.

В некоторых казачьих песнях среди прочих ориентиров ценностного мира героя называется Бог. Казак перед битвой творит молитву Богу, вспоминает о самом главном: *На горе стоял казак — / Он Богу молился, / За свободу, за народ, / Низко поклонился*. Нередко в казачьих песнях в одной связке оказываются Бог, свобода и народ — триединство, восходящее к этическим и культурным основам казачества. Даже в текстах, где не встречаются повторы этих слов, мотивы свободы, служения народу и верности вере реализуются через систему других мотивов, близких и созвучных им.

Казачьи песни, как и любой другой комплекс родственных текстов, можно условно классифицировать. И первую группу, самую популярную как в репертуарах песенных коллективов, так и у рядового слушателя-исполнителя, можно обозначить как «песни о смерти». Лирический герой этих песен предчувствует свою кончину или считает ее неотъемлемой частью воинской судьбы. Эти песни-прощания напоминают о песнях ямщицких («*Степь да степь кругом*») и солдатских песнях, но содержат свой специфический колорит. Здесь смерть — важная составляющая судьбы героя, связанная с мотивами битвы и свободы. К традициям народной лирической песни отсылает, например, следующий текст, который начинается со слов: *Не для меня придет весна, / Не для меня Дон разольется, / Там сердце девичье забьется / С восторгом чувств — не для меня*. Ярким маркером принадлежности к казачьим песням в этом тексте является Дон — родина донского казачества. И это не единственный пример, когда по топосам в песне часто угадывается ее происхождение.

Широта и предельность — так можно в доминантах описать мир казачьей песни, где не просто чувства, а восторг чувств, где не просто приходит весна, а журчат ручьи и текут алмазными струями, где не просто будет праздник, а за стол родня вся соберется. И утрата такого наполненного мира, наполненной до краев жизни — важная для казачьей песни ситуация, которая придает ей специфичность и обеспечивает популярность.

Нередко тема смерти реализуется в своеобразном диалоге героя с такими персонажами, как черный ворон и конь. «Черный ворон» —

образ смерти и один из песенных собеседников лирического героя в последний час. Нередко он (а не иная птица) сообщает о кончине героя его близким: *Вышла, вышла Марья на крылечко / Пошатнулась слегка. / По колечку друга я узнала / Чья у ворона рука.* Ворон не является здесь олицетворением мудрости или тотемной птицей, он отсылает к реалиям битв, где над павшими воинами летают эти черные птицы. Но это не мешает быть ворону собеседником умирающего на поле брани казака. И в этом случае черный ворон становится посредником между миром живых и мертвых, вестником смерти. Встречаются примеры обращения к ворону как к другу, который спасает от страданий: *Черный ворон, друг ты мой залетный / Ой где ж летал так далеко.*

Конь — это безусловный друг, о котором поется в казачьих песнях часто и с большой любовью. Конь и помогает в битве, и спасает от одиночества. Самый известный пример: *Выйду ночью в поле с конем, / Ночкой темной тихо пойдём. / Мы пойдём с конем по полю вдвоём, / Мы пойдём с конем по полю вдвоём.*

Об условности всяких классификаций казачьих песен может свидетельствовать тот факт, что мотив смерти может проникать и в песни, которые условно относятся ко второй группе — «лихие песни». Оптимистичный и даже разгульный тон таких песен не исключает присутствие мотива смерти, поскольку именно она, ее близость, помогает почувствовать радость жизни. Самый известный пример — песня «Любо, братцы, любо».

Участники лирического переживания здесь — это собственно сам герой и его соратники-«братцы», объединенные одним чувством — жаждой жизни. Но и эта лихая песня веселых соратников по битве отмечена мотивом смерти: *Будет дождь холодный, будет дождь холодный, / Будет дождь холодный мои кости обмывать. / Будет ворон черный, будет ворон черный, / Будет ворон черный мои волосы клевать.*

В определенной степени именно согласие со своей судьбой становится во многих казачьих песнях атрибутом принятия роли, осознания своей причастности к казачеству, поскольку герой — это прежде всего воин и защитник, а всякая битва предполагает жертву. Одновременно жажда жизни, широта мира — это условия, которые помогают почувствовать качество жертвы и суть предназначения.

Третья группа песен — это шуточные, веселые, загульные, которые исполняются под хмельком и в дружной компании. Часть из них может включать частушечные элементы. Шутки, прибаутки об отношениях мужчин и женщин, друзей, об отношениях с представителями других народов: *Чечен молодой, купил поросенка, / Всю дорогу целовал, думал, что девчонка.*

Казак любит и умеет веселиться, знает цену дружбе и никогда не даст в обиду слабого, а еще никогда не забывает о свободе, готов сражаться за нее всегда и везде: *А еще просил казак / Правды для народа / Будет правда у людей — / Будет и свобода.*

Лейтмотивная основа народной казачьей песни ярко указывает на то, что казачество — живой и развивающийся организм с яркой индивидуальностью. Идентификационные характеристики казачества прослеживаются в устно-песенном творчестве народа, в песне аккумулируются важнейшие ценностные установки казачества, через песню казаки не только проявляют себя, но и сохраняют свою уникальность и самобытность.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бондарь Н. И. Кубанское казачество в контексте проблемы: этнос, пространство, время. — М., 1995.
2. Бромлей Ю. В. Этносоциальные процессы: теория, история, современность. — М., 1987.
3. Гумилев Л. Н. От Руси к России: очерки этнической истории. — М., 1992.
4. Казачья музыка: записи песен, истории хоров. — URL: <http://cossacksmusic.ru/voennyie>